

НЕВЕСЕЛЫЙ ЮБИЛЕЙ ЕВГЕНИЯ СВЕТЛАНОВА

Великому русскому дирижеру завтра исполняется 70 лет

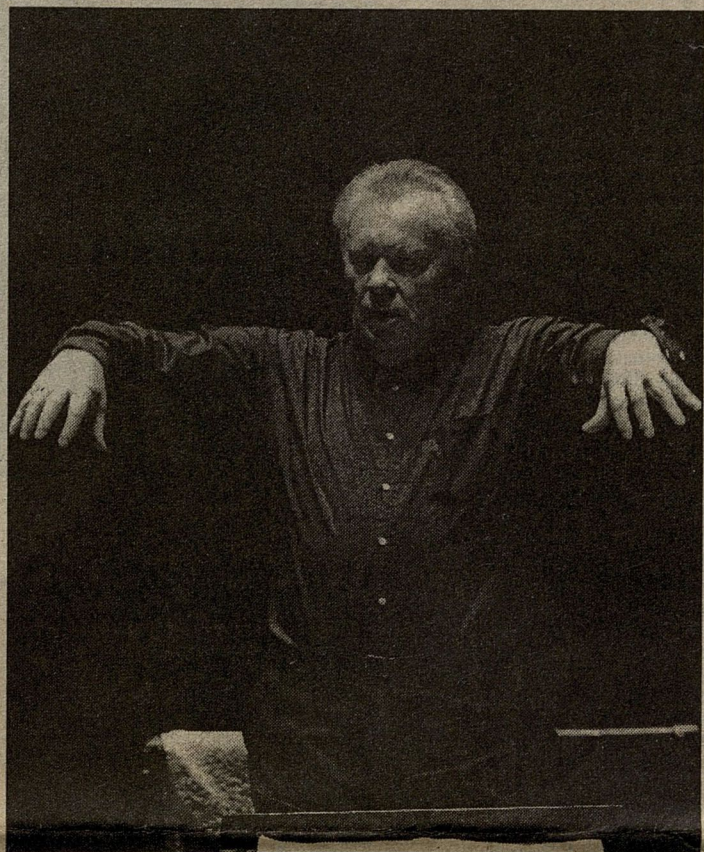
Сегодня в Стокгольме празднуют день рождения первого русского дирижера Евгения Светланова, главного дирижера нашего Государственного оркестра, которого с оркестром Шведского радио связывают больше двух десятилетний творческого содружества. Завтра, как признается сам Светланов, в день своего 70-летия, он собирается порыбачить в местечке Долорэ под Стокгольмом, где проводит летние месяцы. До Москвы юбилар доедет лишь через месяц — 9 октября праздничный вечер дирижера пройдет в Большом театре. До этого аналогичные концерты пройдут в Гааге и Париже (французы еще летом вручили Светланову орден Почетного легиона — см. «НГ» от 26.08.98). Евгений Светланов любезно согласился дать нашей газете интервью.

Вадим Журавлев

-ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВИЧ, в случае со всеми выдающимися музыкантами принято говорить, что в 60 лет они в самом расцвете сил, а в 70 уже патриархи. Вы ощущаете свою роль патриарха истории отечественной музыки?

— Такая роль у меня была обозначенной, но это было в районе 50—60 лет, между этими датами... После 60-ти я с каждым днем все больше и больше начинаю сомневаться в том, что я правильно оцениваю свою работу и ее значение. А сейчас, придя к 70 годам, я полностью разочарован и считаю, что прожил не ту жизнь, жизнь не того человека, и занимался совсем не тем, чем нужно. Я говорю абсолютно как на духу, ведь больше мне, наверное, не придется так откровенно говорить...

Это впечатление складывается, помимо субъективных моментов и ощущений, еще и под большим влиянием всего окружающего нас мира. Сюда входит масса компонентов. И тот вывод, к которому я

После Стокгольма юбилейный концерт Светланова состоится в Гааге, где он возглавляет королевский «Резиденц-оркестр».

Фото Владимира Поляка

пришел, — не случаен. Здесь и субъективное, и объективное тесно связаны друг с другом. И, видимо, влияют друг на друга. Но я думаю, что на мое субъективное мнение и восприятие больше влияет окружающая действительность. И, к сожалению, не я один исповедуюсь в таком горестном ключе. Весной по европейскому телевидению было показано огромное интервью (в моей памяти — первое и последнее такое интервью) нашего гениальнейшего музыканта Святослава Теофиловича Рихтера. Представьте себе, человек, который вообще никогда не говорил, во всяком случае, всегда уклонялся от всяких разговоров, от высказывания мыслей,

в течение двух с лишним часов говорил по-русски (почти все по-русски), что он сожалеет о том, как прожил свою жизнь. Хотя я не достиг такого возраста и таких вершин (да и вообще сравнения здесь не уместны), я понимаю, почему он так говорил. Для нас это интервью было подобно взрыву водородной бомбы: всемирно признанный, неповторимый, уникальный заявляет, что он глубоко разочарован. И разочарован прежде всего в себе самом. Он не говорил об окружающей среде, о политике, он обходил это стороной, но лейтмотивом было то, что он недоволен сам собой.

(Окончание на стр. 7)

НЕВЕСЕЛЫЙ ЮБИЛЕЙ ЕВГЕНИЯ СВЕТЛАНОВА

Независимая газета. — 1998. — 5 сент. — с. 1, 7.

Евгений Светланов встречает юбилей в ближайшем Стокгольме.
Фото Артема Житенева (НГ-фото)

(Окончание. Начало на стр. 1)

— Пессимистичные — настроения, наверное, всегда свойственны любому интеллигентному человеку в тот момент, когда он переходит временной рубеж. Но пройдет юбилей, жизнь возьмет свое — концерты, турне, репетиции, которые запланированы и их нельзя отменить... Повлияют ли на ваши дальнейшие планы этот юбилей и ваше сегодняшнее настроение?

— Больше всего я хотел бы, чтобы эта дата была листком календаря, который я пероворачиваю каждый день, и более ничего. Не знаю, удастся ли мне это осуществить. Во всяком случае, я выдаю желаемое за действительное. Что я хочу сказать — не хочу обращать на это никакого внимания, не делаю из этого конец света, который нам предсказывают в Священном Писании в 2000 году. «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих», и кто-то из наших юмористов (наверное, Ильф и Петров) подметили, что юбилей — дело рук самого юбиляра. Я не хочу к этому юбилею прикладывать никаких рук, но я не могу запретить делать это другим — только могу высказать пожелание, чтобы это было незаметно. Знаю случаи, когда выдающиеся деятели разных профессий только и ждали юбилея, чтобы сделать большой разбег, достичь кульминации и потом как можно дольше держаться на этой кульминации. Эти люди не вызывают у меня отрицательных эмоций, я их по-прежнему люблю и уважаю, в первую очередь — великих музыкантов. Они в этом видели смысл. Я, наоборот, хочу перейти этот рубеж незаметно. Для меня лучший праздник — сыгранная и не известная никому симфония. Вот это настоящий юбилей! И такие события мне доставляют истинное удовольствие и радость. Когда, например, мне удалось открыть — и для себя, и для людей — новые прекрасные сочинения, совершенно незадолго забытые. Чему я, собственно говоря, и посвятил свою дирижерскую деятельность. Это было отправным пунктом, а не карьерой дирижера. Ибо по-прежнему, репетируя сейчас свою симфонию в Стокгольме и (чего я никогда не делал) слушая записи других своих сочинений, прихожу к выводу, что я прожил неправильную жизнь. Мне Бог дал талант композитора, и я его не развил, и считаю, что это большой грех. Но этого, уже, увы не исправить.

— Вы говорите об открытии новых сочинений, но тем не менее для своего юбилейного вечера в Большом театре вы выбрали Вторую симфонию Рахманинова, второй акт «Золотого петушка» Римского-Корсакова. К тому же в минувшем сезоне вы играли в Большом зале консерватории Пятую симфонию и «Ромео и Джульетту» Чайковского, «Колокола» Рахманинова. Причем все без исключения отметили, что ваши интерпретации русской классики изменились. Означает ли это, что вы после записи цикла симфоний Малера решили вновь вернуться к русской классике?

— Я должен совершенно откровенно сказать (да и все, что я говорю вам, это все надо воспринимать как исповедь, мне уже необходимо исповедаться) — не могу себя причислить к музыкантам, которые вновь готовы открывать в уже известных и много раз сыгранных сочинениях новые горизонты. Но я не могу себе позволить в условиях, когда я меняюсь (жизнь прожита!) и все вокруг меняется, возвращаться к уже сыгранному. У меня были другие цели — все время идти вперед, ибо остановка даже на одной из вершин — это есть шаг назад, с моей точки зрения. Вы подметили, что я играл Чайковского и Рахманинова в прошлом сезоне. Но это было только в связи с трагическими событиями. На концерте памяти Рихтера мне захотелось весь вечер посвятить Чайковскому, которого Рихтер очень любил. «Колокола» были исполнены по просьбе Государственной хоровой капеллы, которая отмечала юбилей Саши Юрлова. Они очень просили исполнить любимые им, да и мною не менее, «Колокола», которые вместе с Юрловым мы много, много раз делали вместе... Но если бы не было этих дат — не было бы и исполнения этих произведений. Для концерта в Большом я выбрал «Золотого петушка» Римского-Корсакова, поскольку это была моя последняя оперная работа в Большом театре, и Вторую симфонию Рахманинова, которая была когда-то моей дипломной работой (Гаук дал мне тогда продирижировать БСО).

У меня не хватает времени на повторы. Жизнь коротка, и с каждым десятилетием она стремится все больше вперед, и достигает после 70 лет космической скорости. А мне хотелось бы познать все с новым — у меня дома лежит целая гора партитур, никому не известных. Мысль об этих партитурах у меня сочетается с горькими раздумьями: успею ли я их показать? Кое-что, думаю, Бог мне даст осуществить. Но я еще раз подчеркиваю, что сознательного возвращения к

циклу русской музыки я не планирую.

— В прошлом сезоне вы исполнили ряд неожиданных программ: с участием эстрадных звезд, еврейскую музыку. Ожидают ли нас сюрпризы в дальнейшем?

— У меня есть целый ряд сочинений, не связанных друг с другом ничем, кроме их высочайшего качества: это сочинения разных композиторов, в основном современных, нашего века. Разных стран, разных национальностей, но у нас совершенно не известных. Да и не только у нас. Вот я работаю 21 год в Швеции, и мне очень приятно, когда мне удается открыть для шведов их собственную музыку, о чем они потом много пишут, благодарят... Но, открывая для них, я открываю ее и для себя — я этоист. Это мне хочется показать и нашим слушателям. Я в своей книге не даром написал послесловие о том, что нельзя останавливаться на достигнутом. Стандартная фраза, но это правда — надо идти только вперед. Со мной могут не согласиться, но это мое право — высказать эту мысль.

— Сильно ваша жизнь изменилась после того, как вы стали свободным человеком и больше не связаны нашей государственной системой и можете самостоятельно ездить, без производства государства выбирать для работы оркестры, программы?..

— Может быть, я вас удивлю, а ведь мне очень часто задают подобные вопросы. Я всегда отвечаю на них одинаково: я считал и считаю себя всю жизнь свободным в том плане, о котором вы говорите. Никаких помех, препятствий, кроме самостоятельных решений и выбора у меня не было. Слава Богу, у этого избегал. Ко мне не применялись прессинги, запрещения. Я не в претензии к бывшей власти; всегда делал то, что я считал нужным, и то, что я делаю сейчас. Всегда принимал только то, что мне было интересно. Если поступали предложения от западных коллективов, я всегда очень тщательно к ним относился. Если меня не интересовали (а были ведь приглашения от очень престижных оркестров) программы, произведения — спускал эти предложения на тормоза. И наоборот, я ухватывался моментально за то, что меня задевало за живое. И старался ничего не пропустить в этом плане. Выглядело это странно: человек, которого приглашает один из самых известных коллективов мира, отечает отказом, а в то же время едет, как считается, в провинцию и дирижирует никому не известными произведениями. Но я об этом несколько не жа-

лею, это было продиктовано моей творческой совестью.

— Но если бы «железный занавес» поднимался раньше, то ваше имя, имена других российских музыкантов (например, Мравинского) были бы так же широко растиражированы на Западе, как имена Аббадо, Маэля, Поллини. Вы не жалеете об отсутствии такого вида славы?

— Ну что жалеть. Жалеть... Слово «жалеть» не подходит. Когда я говорил о том, что я считаю свою жизнь неправильной прожитой, наверное, в это входит и то, о чем вы сейчас спрашиваете. Живи я на Западе с юношеских лет, я бы сделал громадную карьеру, чисто внешнею, что происходит с теми, кого вы называли и кого не называли тоже. Но что делать? Этого не вернуть, поезд ушел...

— Неужели в вашем нынешнем пессимистичном взгляде нет ощущения чего-то светлого от прошлой творческой жизни?

— Я отвечу словами Сергея Васильевича Рахманинова, который, подобно Рихтеру, никогда не давал интервью. Но в конце жизни, в Америке, играя крупными сутками, перемещаясь без остановки из города в город до самой кончины, он дал одно интервью. И знаменательно то, что он впервые открыл свою душу, ибо это было ему несвойственно. Он свою душу открывал только через музыку, через свою и чужую. А здесь он сказал очень важные вещи, и в том числе такие слова (привожу не дословно): «Я живу в мире никем не тревоженных воспоминаний». Да будет мне позволено повторить эти слова от своего имени!

— С другой стороны, в наших условиях музыканты не были под влиянием прессинга, связанного с концертным «конвейером» Запада. Была возможность много работать. Это сейчас, к сожалению, тоже уходит. Концерты даются для самого факта, зачастую музыканты выходят просто неподготовленными или не успешными «проехать» исполняемые сочинения...

— В наших условиях, и в прошлом, и в нынешнем, есть один большой плюс. Будучи главным дирижером, его шеф может себе позволить репетировать столько, сколько считает нужным. На Западе этого нет. Почти везде нужно укладываться в прокрустово ложе из трех репетиций. Четвертая — уже ЧП, это затраты, проблемы и т.д. Сейчас действительно идет конвейер из заграничных классических сочинений. То, что не требует большой работы, то, что оркестры знают наизусть, разбули музыкантов ночью — сыграют... Я даже удивляюсь, как это не надоела-

ет самим дирижерам и публике. Онетгер, правда, писал, что публика любит знакомые сочинения. Но не до такой же степени. Их заигрывают до дыр, чтобы создать легкую жизнь и себе, и оркестру. Если это делается из материальных соображений, это один вопрос — никаких симпатий к этому испытывать не могу. Скорее — презрение. А если это делается просто для того, чтобы показать себя, — буду весь сезон выступать с одной программой, все успею, уложусь во все репетиции, то что же получается в итоге? Не в этом цель искусства.

— В этом вообще веяние времени: на смену поколению великих, отдававших себя музыке целиком, идет поколение одаренных, которые помимо искусства любят и себя, а потому могут и играть без репетиций, и умело организовывать имидж, рекламу и т.д.

— Несмотря на то что я человек верующий, очень верю в закон диалектики. И, следуя законам диалектики, верю, что это все чередуется. Подъемы и спады неизбежны — это не секреты. Будем считать, что в этой области у нас сейчас спад. Почему? Можно говорить часами.

Но есть и такая причина: у той власти, которая нами сейчас руководит, накопилось такое множество других проблем, что она не знает, как унести от них ноги. Довели Россию до полного краха. А Россия — страна богатая, и она не стала еще нищей и бедной, хотя мы постепенно делаем ее все беднее и все «нищее», распродаем духовные и материальные богатства. Верю, что все это временно. Жалко, конечно, что мое поколение не увидит расцвета России. Я очень хорошо помню слова Юрия Бондарева: «Я живу в России и безумно тоскую по России». Но это все пройдет, это неизбежно, возродятся новые гении. Здесь я становлюсь потенциально не ограниченным оптимистом.

— Ваш оркестр переживает сейчас трудные времена, связанные с недостатком финансирования. И есть люди — и в оркестре, и вне, — которые обвиняют вас в нежелании обивать пороги правительства и банковских структур. Это ваша принципиальная позиция?

— В жизни никогда, ни у какой власти ничего не просил. Это моя позиция. Но я сейчас был вынужден нарушить этот принцип, и я уже неоднократно обращался... Так что сведение о том, что я не хочу ни к кому обращаться, не совсем правильные. А если говорить точно, совсем неправильные. Первый раз я обращался еще в старое правительство Черномырдина, это было несколько

лет назад. И, насколько это было возможно, нам прибавили зарплату. Правда, по дороге из Белого дома в Министерство культуры сумма эта рассосалась, и образовалась некая дельта этого денежного потока. То, что нам было дано в министерстве, разделили всем сестрам по серьгам. Это было еще при старом министре культуры. Совсем недавно, несколько месяцев назад, меня принял заместитель Лужкова, я ему передал письмо от нашего оркестра. Он очень внимательно отнесся к нашим проблемам и сказал, что сделает все, зависящее от него и от его ведомства, от мэрии, чтобы нам помочь. Но это дело очень сложное, и нам нужно набраться терпения и ждать до 1999 года — раньше вряд ли что-нибудь удастся сделать. Но тогда еще не было последнего кризиса. Он приближался, и опытные экономисты его предвещали, но к ним не прислушались. Теперь опять на сцене появился Черномырдин, к которому я хорошо отношусь, он знает свое дело. Но в одиночку сейчас никто ничего не может сделать. Сейчас всем политикам нужно забыть внутренние распри, борьбу за власть (хотя это почти невозможно). И если мы этого не сделаем, то России придется хоронить.

— Странно все же, что у власти, если не хватает сил на поддержку всей культуры, нет желания поддерживать и институты «национальных достояний»: Большой и Мариинский театры, ваш оркестр...

— После ваших слов я невольно вспомнил, что на каждой премьере Мариинского театра в прошлом веке присутствовала императорская фамилия в полном составе. Как они относились к этому, понимали ли, любили ли, я не знаю. Этого никто не может сказать. Но они считали своим долгом быть на премьере императорского театра, да и не только на премьерах, оказывая внимание театру. Что касается нашего времени, Сталин бывал и в Большом театре. Очень часто сидел за занавеской. Никто его не тянул, не гнал. Тогда шесть оркестров были выделены как национальное достояние. Сейчас никто не ходит (еще Михаил Сергеевич с Раисой Максимовной уделяли много внимания нашему брату). А сейчас и вовсе никого не затянешь. Им присылают приглашения, ковры готовы расстелить, как раньше космонавтам, но увывидимо, им это неинтересно, считается необязательным. Это потеря этики. Какое уважение может быть к президенту, если он играет на ложках? И то приятно, хоть в русском народном оркестре может сыг-

рать... Так что очень многое зависит от власти и от того, в чьем лице власть представляется. И в данном случае нам до выборов надеяться не на что.

— В прошлый раз вы очень огорчились, что вам мало пришлось в последние десятилетия поработать в опере. Сейчас вы взялись за оперную постановку — Верди, Вагнер? Или для вас несбыточной мечтой остается постановка «Псковитянки» в Большом театре?

— Уже эта мечта переросла. Я думал красиво «построить арку» и закончить свою театральную деятельность тем, с чего начинал, — с «Псковитянки», оперы, которая мне безумно нравится по сей день. Но коль меня не пускают в театр... Я никогда не напрашивался. Но предлагал, даже просил дать мне эту возможность — ответа из Большого театра до сих пор нет. Конечно, я вспоминаю годы, отданные Большому театру, опере, никогда не забуду первые гастрели в Милане в 1964 году. К сожалению, об этом все забыли, но я помню. Опера меня тянет до сих пор, но я не вижу реализации, отношения с театром непонятны до сих пор. Больше я обращаться в театр не буду, потому что я и так переступил черту своей совести. Я просил, а это мне несвойственно. Я привык добывать своим трудом! Или идти навстречу, когда меня просят, и то не всегда. Просить «коленипреклоненно» — противно моему существу, но что ж поделаешь...

— А на Западе вы бы занялись оперной постановкой?

— На Западе были предложения, но я отказываюсь всегда — после того как поставил в «Ковент-Гарден» «Хованщину». Я понял, что это не мое дело. Я оставил там столько сил, столько мучился. Представьте себе, хор, который в операх Мусоргского играет такую роль, пел из рук вон плохо. И мы месяцами бились, чтобы этот хор привести в приличное состояние. Но когда я работал в Лондоне с разными оркестрами, а при каждом из них есть свои, даже любительские, хоры, я всегда удивлялся их хорошему качеству. Если кто-то еще помнит, как лондонский хор приезжал сюда для исполнения Элгара с нашим оркестром, то они пели прекрасно. А в «Ковент-Гардене» я спросил, почему они так плохо поют. И мне был такой ответ: нельзя никого тронуть, иначе профсоюз заступится, и все равно его восстановят. Потом я посетил спектакли, и в западном репертуаре хоры пели хорошо. Но русские оперы из-за этого я не хочу ставить на Западе. У нас ведь есть другие всемирно признанные мастера, не буду их

называть. Есть у нас даже лучший оперный дирижер мира, что он доказывает, выступая и в Нью-Йорке, и в Лондоне.

— Ваши приезды в Москву теперь не носят «абонементного» характера, и многие справедливо волнуются, что вы нас совсем забудете.

— Пока я числюсь главным дирижером и художественным руководителем Госоркестра, помимо прав у меня есть и определенные обязанности. И я их выполняю вне зависимости от абонементов. Я дирижирую ровно столько, сколько и при абонементной системе. Ничего не изменилось. И это только внешнее впечатление, что я стал меньше в Москве дирижировать, реже появляться. Эти слухи распространяют заинтересованные в этом люди, и я их знаю. Они очень хотят раскачать основы Госоркестра — ведь каждый сейчас мнит себя Караяном и хочет утвердиться (причем действительно верит в свою исключительность). Поэтому здесь все средства хороши. Я буду дирижировать, пока жив и здоров, и в каждом московском концерте прозвучат новые сочинения, совершенно неизвестные, гениальная, просто великолепная музыка. Что я и делал до сих пор. К сожалению, наша критика не замечает этого, а мне обидно. Ну живу я со штампом «специалиста по русской музыке». Это хорошо, лучше быть специалистом в чем-то, чем ни в чем. Но почему-то считается так: если неспециалист по русской музыке дирижирует всем — и русской, и западной музыкой, — то это очень хорошо и этому отдается преимущество. Я же, как какой-то изгой, хожу с ярлыком «специалист по русской музыке» на шею. Последние 15 лет я открыл столько новых сочинений, столько показал новых сочинений в Москве, в Петербурге. И это факты, которые не хотят замечать. А если их заметить, то, значит, надо признать. Но я выше этого, я уже пережил свои желания.

— Из последних ваших работ уникальна запись всех симфоний Малера, который писал свои произведения летом на прекрасных озерах Зальцкаммергута. Вы тоже любите водную стихию, вот и сейчас собираетесь встретить юбилей в лодке, на рыбалке. Это помогло вам в восприятии малеровской музыки?

— Наверное. Плохо себе представляю, чтобы Малер, проживший 51 год и создавший такие эверсты, монбланы, пампирсы в музыке, мог много времени посвятить рыбалке, отвести душу. У него и сил на это не было: летом, когда можно рыбачить, он только и имел возможность сочинять. Весь же сезон он как оперный дирижер боролся с рутинной, с певцами, с дирекцией, наживал себе раны на сердце. И самосожжение кончилось печально. А может, так и нужно было? Может, тогда не было бы и Малера? Зато весь мир теперь стоит на коленях перед Малером. Также, как и Брукнером. И это будет по отношению к нашим гениям — Мясковскому и Метнеру. Я в это твердо верю. Это музыка ХХI века: Мясковский и Метнер будут признаны. Не может иначе быть. И поэтому я смею напомнить, что определенную роль в этом сыграет полная антология Мясковского — 39 записанных нами сочинений. Об этом пока молчат, и послушать их негде. Сейчас моя супруга буквально выцарапала записи, хранившиеся в шкафу фирмы «Мелодия», и передала на радиостанции в Москве, Лондоне, Париже. И они все же будут звучать.

— Летом вы стали рыцарем ордена Почетного легиона, в Швеции вас также собираются наградить. Да и в нашей стране вы не были обделены наградами. Но что для вас лучшее выражение славы?

— «Слава — богатство суетное», — говорится в моей любимой опере «Китеж» Римского-Корсакова. Говорит так князь Юрий, когда Китеж осажден и приговорен. Я не знаю, что такое слава — и слава Богу. Я никогда не чувствовал ее, была ли она у меня, есть ли. Меня это не волнует. Я люблю уединяться, оставаться наедине с природой, с партитурами, книгами. Со всем, что я люблю. Больше всего люблю то, что останется после нас — природу.

— В ваших словах вновь слышится малеровский пантеизм...

— А Корсаков? Да и трудно назвать художника, который был неравнодушен к природе. Наверное, это просто невозможно. Тогда это просто не художник. И поэтому, то, что нельзя доверить каждому, можно доверить природе. Это и есть взаимное обогащение. А если рассматривать диалектически, человек — неотъемлемая часть природы, а значит, мы вместе. Рождение, смерть — бесконечные циклы. Природа сама тоже меняется, может, это и не так заметно для нас. Но смотрите, сейчас бунтует природа. Люди довели ее до такого состояния, что она вышла из берегов, она бунтует. И люди попятятся за это.

Стокгольм-Москва